

Научная статья
УДК 94(47).073
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-1>

Анатолий Иванович Нарезный
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет
ain@sfnedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>
Ростов-на-Дону, Россия
Anatolii I. Nareznyi
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of The Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
ain@sfnedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>

Оксана Олеговна Завьялова ✉
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет
zavyalova@sfnedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>
Ростов-на-Дону, Россия
Oksana O. Zav'yalova
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of The Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
zavyalova@sfnedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>

Власть и общество во второй четверти XIX века: особенности взаимодействия*

Power and society in the second quarter of the 19th century: Specific features of interaction

* Для цитирования: *Нарезный А.И., Завьялова О.О.* Власть и общество во второй четверти XIX века: особенности взаимодействия // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 656–689, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-1>

For citation: Nareznyi, A., Zav'yalova, O. "Power and society in the second quarter of the 19th century: Specific features of interaction." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 656–89, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-1>

© Нарезный А.И., Завьялова О.О., 2021

© Nareznyi A., Zav'yalova O., 2021

Аннотация. В статье на основе коммуникативного подхода, разработанного Ю. Хабермасом, выделены основные формы властно-общественного взаимодействия во второй четверти XIX века, исследованы их особенности и включенность в пространство публичной сферы Российской империи. Авторами предпринята попытка уточнить представленную в историографии точку зрения, согласно которой курс николаевского правительства на «постепенное усовершенствование» государственной жизни обозначил отказ от всякого сотрудничества с образованным обществом, что привело к взаимному отчуждению власти и общественности к концу царствования Николая I. Данная позиция недостаточно учитывает социокультурное состояние и уровень амбиций представителей общества в исследуемый период, которые все больше осознавали себя в качестве активного субъекта общественно-политического процесса. Несмотря на стремление российских властей в период правления Николая I обуздать «работу мысли», были обозначены основные формы взаимодействия власти и общества, посредством которых представители общественности получили возможность доводить до власти свое видение путей решения актуальных общественно-политических проблем. В их числе выделяются литературные салоны и кружки, а также традиционная практика личных посланий и писем на имя государя. В 1840-е годы возрастает активность корреспондентов в оценке правительственной политики на западных окраинах Российской империи. Свои предложения по корректировке национальной политики направляют правительственные служащие, литераторы и публицисты, а представители власти, в том числе Николай I, реагируя на них, побуждают общественность к активизации своей деятельности. Указанные предложения оцениваются авторами в качестве значимого фактора в процессе подготовки курса на русификацию национальных окраин во второй половине XIX века. Обоснован вывод о том, что взгляды и предложения, исходившие от представителей общественности, обозначили контуры возможной модели взаимодействия власти и общества в условиях самодержавной формы правления.

Ключевые слова: Российская империя, Николай I, власть, общественность, взаимодействие власти и общества, публичная сфера, национальная политика.

Abstract. Based on the communicative approach developed by Jürgen Habermas, the article focuses on the main forms of interaction between power and society in the second quarter of the 19th century and investigates their features and inclusion in the space of the public sphere of the Russian Empire. The authors have made an attempt to clarify the point of view presented in historiography according to which the course of the Nicholaevan government towards “gradual improvement” of state life marked the refusal to cooperate with educated society, which in its turn had led to the mutual alienation between power and society by the end of the reign of Nicholas I. This view does not sufficiently consider the socio-cultural condition and the level of ambitions of the representatives of Russian society who began to see themselves as an active subject of the socio-political process in the period under research. Despite the desire of the Russian authorities to control the “work of thought” during the reign of Nicholas I, the main forms of interaction between the authorities and the public were outlined. By means of them, members of the public were able to convey to the authorities their vision of ways to solve pressing socio-political problems. Among these forms of interaction were literary circles and salons as well as the traditional practice of personal messages and letters addressed to the sovereign. In the 1840s, correspondents became more active in assessing government policy on the western outskirts of the Russian Empire. Government officials, writers and publicists sent their proposals for adjusting the national policy,

and representatives of the authorities including Nicholas I himself responded to them, thus encouraging the public to intensify their activities. These proposals are assessed by the authors as a significant factor in the preparation of the course towards the Russification of national outskirts in the second half of the 19th century. The conclusion is substantiated that the views and proposals emanating from the representatives of the public outlined the contours of a possible model of interaction between power and society under the conditions of autocratic government.

Key words: Russian Empire, Nicholas I, power, society, interaction between power and society, public sphere, national policy

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project 17-78-20117 “National outskirts in the politics of the Russian Empire and Russian public thought.”

Введение

Почти тридцатилетнее правление императора Николая I представляет собой весьма противоречивую эпоху в истории России. С одной стороны, правительство продолжало поддерживать в стране внутривластную просветительскую тенденцию начала столетия, учитывать в своей политике положения европейской теоретической мысли, что имело следствием проникновение в Россию несвойственных для системы самодержавной власти теорий. В их числе следует назвать и «идею общества», которая, по мнению известного историка власти М. Фуко, стала в Европе «одним из великих открытий политической мысли конца XVIII века». Правительства должны были теперь

не только управлять некоей территорией и своими подопечными, но еще и иметь дело со сложной и самостоятельной реальностью, которая обладает собственными законами и механизмами реакции, собственной регламентацией и собственными возможностями беспорядка¹.

В Российской империи, включенной в общеевропейский процесс формирования публичной сферы и общественности как ее ключевого элемента, наблюдалась схожая ситуация. На протяжении второй четверти XIX века

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / перевод с французского Б.М. Скуратова, под общей ред. В.П. Большакова. – Москва: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 219.

русское образованное общество осознавало себя в новом качестве активного субъекта общественно-политического процесса, способного противостоять правительству и наравне с ним участвовать в выборе стратегии развития страны. С другой стороны, реализация этой тенденции ограничивалась правительственной политикой всесторонней государственной опеки и административного давления, препятствовавшей вовлечению представителей общества в обсуждение вопросов общегосударственного значения.

Указанные особенности позволяют отнести проблему взаимодействия власти и образованного общества к числу наиболее актуальных в отечественной и зарубежной историографии, хотя различные периоды в рамках «долгого» XIX века пользуются неодинаковым вниманием исследователей. В историографии накоплен значительный опыт изучения указанной проблемы в рамках более широкой темы, связанной с осмыслением процесса подготовки и реализации российских реформ². При этом большинство авторов сходятся во мнении, что внутривластный курс николаевского правительства, предполагавший «постепенное усовершенствование» государственной жизни, обозначил отказ от всякого сотрудничества с образованным обществом, что в итоге привело к их взаимному отчуждению к концу правления Николая I³. В

² Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 3–27; Удалов С.В. Проблема «Россия и Запад» глазами Николая I (1826 – первая половина 1830-х гг.) // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха (Саратов, 26–27 апрель 2002 г.) / ответственный редактор О.Ю. Абакумов. – Саратов: Саратовский университет, 2004. – С. 288–296; Христофоров И.А. «Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности // Труды Института российской истории. – 2012. – Вып. 10. – С. 115–130; Чернуха В.Г. Альтернативная программа имперской политики России эпохи Великих реформ // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.) / под редакцией Л.А. Вербицкой. – Санкт-Петербург: Олариус Пресс, 2007. – С. 295–302; Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под редакцией Т.И. Заславской. – Москва: МВШСЭН, 2000. – С. 10–20; Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982; Monas S. The Third Section. Police and society in Russia under Nicholas I. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 219–220; Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – Москва: Три квадрата, 2003. – С. 181–182; Экиштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного

рамках данного подхода значительно меньше внимания уделяется исследованию другой составляющей николаевской эпохи: опыту и особенностям взаимодействия власти и общества, выявлению основных форм властно-общественной коммуникации этого периода. Такой подход, на наш взгляд, недостаточно учитывает подвижки в общественном развитии того времени. Характеризуя его особенности, Б.Н. Чичерин признавал, что во второй четверти XIX века «...вся мыслящая часть русского народа смотрела на правительство, как на своего врага», при этом русское образованное общество сохранило в себе живую мысль и духовно созрело к концу николаевского царствования⁴. Высказывание Чичерина зафиксировало специфику данного этапа в процессе становления общественности в России, состоящую в том, что чрезмерная государственная опека усилила потребность русских интеллектуалов в самовыражении и обсуждении актуальных проблем развития страны, что было обусловлено неразрешенностью и консервацией «больных» вопросов, а также развитием чуткого общественного сознания. Исходя из этого, целью настоящей статьи определено выяснение состояния и тенденций развития российского образованного общества во второй четверти XIX века, обозначение уровня притязаний его представителей на участие в обсуждении актуальных вопросов государственной политики, в том числе и правительственного курса в отношении национальных окраин. В статье также выделены каналы властно-общественного взаимодействия, определившие формирование будущей модели взаимоотношений власти и образованного общества в России во второй половине XIX века.

Основная часть

Позиция представителей российского общества в отношении обоснованности своих притязаний на участие в обсуждении значимых общественно-политических вопросов была обусловлена существовавшими в то время теоретическими представлениями об идеальном типе власти. Обозначая их, публицист и историк князь П.А. Вяземский признавал в 1833 году, что «верховная власть должна быть у нас во главе всякой деятельности и развития страны», однако, одновременно, задавался вопросом – зачем ей «пренебрегать и оставлять вне своей деятельности элемент, наиболее плодотворный результатами – силу интеллекта?»⁵ Правомерность его позиции позднее

века. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – С. 56–57; *Field D. Kavelin and Russian liberalism // Slavic Review.* – 1973. – Vol. 32. – No. 1. – P. 60.

⁴ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. – Берлин: Г. Штейниц, 1900. – С. 12, 169.

⁵ Цит. по: Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // *Русская литература.* – 1966. – № 4. – С. 127.

подтвердил Б.Н. Чичерин, по мнению которого «только то правительство прочно, которое опирается на самые лучшие в умственном отношении силы народа, то есть на его интеллигенцию»⁶. Рассматривая особенности проявления этого правила в самодержавной России, он заявлял, что условием, предоставляющим монарху «более гарантий справедливого правления», следует считать возможность и необходимость выслушать по обсуждаемому вопросу «мнение не одного случайного советника-министра, но также и мнения других компетентных, вполне независимых лиц»⁷.

Вместе с тем, сложность в осуществлении этих принципов в Российской империи определялась состоянием и степенью зрелости образованного общества в стране. По данному вопросу мнения современников выглядят неоднозначными. В начале XIX века М.М. Сперанский в письме к европейскому мыслителю Иеремии Бентаму подчеркивал, что среди населения Российской империи «больше всего можно встретить послушной восприимчивости к благотворным действиям умного и рассудительного правительства»⁸. Особенно показательным выглядело такое положение на фоне развивающейся активности и гражданской самодеятельности в Европе. По мнению известного публициста, идеолога движения декабристов Н.И. Тургенева,

отсутствие гласности, царящее в России, невозможно вообразить ни в одной европейской стране⁹.

Осмысливая причины и факторы такой ситуации с позиции представителей образованного общества, П.А. Вяземский несколько позже заявлял, как бы соглашаясь со Сперанским, что «наше правительство сильно послушностью нашею», однако уточнял при этом, что власть «...ничего не делает, дабы заслужить доверенность» общества, пренебрегая «силою убеждения, силою нравственною»¹⁰. Ситуация усугублялась распространившимся в высших правящих кругах в 1830-е годы отношением к общественной инициативе, когда

⁶ Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России // Литература и жизнь. – URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_mysli_o_sovremennom.html (дата обращения: 18.04.2021).

⁷ Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России.

⁸ Цит. по: Пытин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. – 1869. – № 4. – С. 734.

⁹ Тургенев Н.И. Россия и русские. – Москва: ОГИ, 2001. – С. 439.

¹⁰ Цит. по: Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского. – С. 128.

их представители считали участие в общественной дискуссии шагом, несогласным «с достоинством монархического правления»¹¹.

Результатом подобной политики известный публицист называл отсутствие взаимодействия между правительством и обществом, свидетельством чему считал, например, тот факт, что во время польского восстания 1831 года «нашу победу поддерживало лишь безмолвие нашей печати»¹². Со временем подобные оценки закрепились в российском общественном мнении. Обобщая их, автор внутреннего обозрения либерального «Вестника Европы» в 1880 г. утверждал, что, начиная с Петра I,

преобразования в русском государстве и общественном строе совершались среди безмолвия и – по крайней мере кажущегося (сохранена пунктуация автора обозрения. – А. Н., О. З.) – безучастия общества. Оно не высказывало своего мнения ни о дороге, которой следует идти, ни о том, что уже сделано в однажды выбранном направлении¹³.

Надо признать, что представители российского образованного общества осознавали указанную проблему и предлагали различные варианты ее разрешения. Отметим то обстоятельство, что значительную роль при этом они отводили политике правительства. По мнению П.А. Вяземского, в сложившихся условиях именно оно должно было

влиять на общественное мнение, принимать участие в ежедневных спорах, выступать в свою защиту, когда его обвиняют, отстаивать свои права, когда на них покушаются, объединять умы вокруг своего знамени, вести за собой общественное мнение, этого тайного соперника, тем более враждебного, чем менее он осведомлен¹⁴.

В то же время, заявлял он, попытка правительства придать общественному мнению «предохранительное и защитное направление», приведет к негативным последствиям, поставит власть в невыгодное положение в глазах общества, в котором наблюдается усиливающаяся «работа мысли»¹⁵.

¹¹ Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. – 1903. – Т. 113. – № 2. – С. 306.

¹² Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I. – С. 326.

¹³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1880. – № 3. – С. 400.

¹⁴ Цит. по: Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского. – С. 125.

¹⁵ Цит. по: Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского. – С. 127.

Отмеченная современниками активизация интеллектуальной деятельности образованной части русского общества насыщала публичную сферу в России значимыми преобразовательными идеями, ориентировала общественность на коммуникацию с верховной властью с целью корректировки различных аспектов государственной политики. Следует отметить, что сама по себе практика привлечения властью образованных людей в качестве консультантов по различным актуальным вопросам общественно-политического развития страны не являлась для России необычной. Ее начало принято связывать с эпохой Екатерины II, однако наиболее распространенной выглядит она в XIX веке. Активность российских интеллектуалов объяснялась, с одной стороны, реформаторским курсом Александра I, с другой, ростом численности образованной молодежи, стремившейся приложить к российской действительности знания, полученные в европейских университетах. Прежде всего, отметим роль Н.М. Карамзина, которого Ю.С. Пивоваров называет первым русским литератором, «присвоившим» себе право поучать власть и общество и даже претендовавшим на роль «советника царей»¹⁶.

Пример знаменитого историографа не является единственным в истории отечественной общественной мысли начала XIX в. Эта тенденция получила продолжение во второй четверти XIX в., что выразилось в многочисленных обращениях на имя государя, как в форме личных посланий и писем, отложившихся в фондах императорской канцелярии, так и в практике открытых писем. В это же время, несмотря на возраставшее стремление российских властей обуздать «работу мысли», были обозначены основные формы взаимодействия власти и образованного общества, посредством которых представители общественности получили возможность доводить до императора собственное видение путей решения актуальных общественно-политических проблем. В условиях фактического запрета Цензурным Уставом 1828 года возможности обсуждать в печати вопросы государственной политики, получили дальнейшее развитие практики личных обращений к императору посредством писем и записок. Особое место в этом ряду занимают письма декабристов к Николаю I, содержащие разоблачительную характеристику всех «неустройств» русской жизни. Их авторы указывают на «совершенное отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве», обременительные налоги, «сжатое просвещение», «задушенную свободу», а также на многие финансово-экономические проблемы страны¹⁷. В этих письмах изложена

¹⁶ Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. – Москва: ИНИОН РАН, 1997. – С. 32.

¹⁷ Письма Петра Григорьевича Каховского к императору Николаю Павловичу и генерал-адъютанту Левашеву // Из писем и показаний декабристов: критика современного состояния

формула, которой в дальнейшем стали пользоваться общественные деятели эпохи Великих реформ: в кризисные моменты «долг верноподданного есть говорить Монарху правду без прикраски» и, оставив пустые красноречивые фразы, руководствоваться одной истиной¹⁸.

Значительный массив обращений к верховной власти составляют анонимные письма и записки, ценность которых определяется возможностью открыто высказаться о злободневных проблемах страны. В одном из них, составленном на имя императора Николая I в 1848 году, по-видимому, мелким чиновником, получавшим небольшое жалованье, содержится обращение представителя русской общественности, неравнодушного к бедствиям народа¹⁹. Его волновала повсеместная народная бедность, одной из причин которой в обращении называются «частые путешествия за границу особ императорского двора и особенно государыни, обогащающие иностранцев»²⁰. Любопытно, что семь лет спустя эту же тему продолжил А.И. Герцен, статья которого попала в сводку агентурных донесений²¹. Таким образом, анонимное письмо неизвестного чиновника обозначило общегосударственную проблему народной бедности, хотя и предложило явно неработающий алгоритм ее разрешения, вряд ли заинтересовавший царя.

Вместе с тем, общественные чаяния не всегда оставались без внимания монаршей особы. Одним из немногих примеров продуктивного взаимодействия между властью и обществом во второй четверти XIX века можно считать, на наш взгляд, обсуждение статуса и методов управления новоприобретенными территориями национальных окраин. Представители власти и образованного общества выражали различные взгляды на данную проблему, более того, среди корреспондентов были люди, разнящиеся по степени включенности в формирование политики и отстаивавшие зачастую противоположные мнения.

России и планы будущего устройства / под редакцией А.К. Бороздина. – Санкт-Петербург: Издательство М.П. Пирожкова, 1906. – С. 25.

¹⁸ Письмо Александра Александровича Бестужева к императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости // Из писем и показаний декабристов: критика современного состояния России и планы будущего устройства. – С. 35; Письма Петра Григорьевича Каховского к императору Николаю Павловичу и генерал-адъютанту Левашеву. – С. 19.

¹⁹ Анонимное письмо на имя царя и Адлерберга о беззаконии, царящем в России, нищете, предстоящей крестьянской реформе и о заговоре против царя // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 109. – Оп. 3а. – Д. 68. – Л. 1.

²⁰ Там же. – Л. 8 об.

²¹ Августейшие путешественники // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: в 11 вып. / предисловие М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – Москва: АН СССР, 1962. – Факсимильное изд. – Вып. 1. – С. 8–9; Сводки агентурных донесений о популярности и распространении сочинений Герцена А.И. // ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 6.

Так, например, Николай I счел необходимым обратиться за разъяснениями в ситуации, складывавшейся в Остзейском крае, к министру народного просвещения С.С. Уварову и, одновременно, к академику Г.Ф. фон Парроту, бывшему ректору Дерптского университета. И если в докладе министра предлагалось распространить в преподавании и в административных учреждениях, наряду с немецким, и русский язык, то академик активно отстаивал необходимость сохранения особого порядка в Остзейском крае, указывая, что «степень развития Балтийских провинций выше, чем в остальной России»²². Важным штрихом для характеристики власти служит резолюция Николая I «согласен» в отношении доклада Уварова, а также благодарственное письмо шефа жандармов, адресованное академику Парроту.²³

Следует отметить и такой интересный факт, как постепенное расширение в годы правления Николая I круга инициативных помощников власти. Письма и записки на имя императора составляли губернаторы и правительственные чиновники, частные лица и литераторы. В частности, о положении в Остзейском крае писал чиновник министерства внутренних дел, будущий известный публицист Ю.Ф. Самарин. С его «Письмами из Риги», датированными 1848 годом и содержащими, по оценке барона Нольде, «страстную критику русской политики в Остзейском крае»²⁴, ознакомились видные люди обеих столиц. Отреагировал на позицию Самарина и сам Николай I, обвинивший публициста в том, что тот хочет «принуждением, силой сделать из немцев русских...» и поднимает «общественное мнение против правительства», что расценивалось царем как подготовка к повторению событий 14 декабря 1825 года²⁵. Подобная оценка ситуации представляется нам заслуживающей внимание лишь в том аспекте, что русификаторские предложения Ю.Ф. Самарина совпадали с мнением широкого круга общественности.

Достаточно убедительно свидетельствует об этом содержание одной из записок, датированных 1842 г. и подписанных прокурором Сената К. Кутузовым²⁶. Его имя нам не удалось отыскать в штатах этого учреждения,

²² Цит. по: *Мардарьев М.* Письма и записки Георга Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I // *Русская старина.* – 1895. – Т. 83. – № 4. – С. 217.

²³ *Мардарьев М.* Письма и записки Георга Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I. – С. 219.

²⁴ *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. – Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. – С. 44–45.

²⁵ *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. – С. 48.

²⁶ Записка о необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1101. – Оп. 1. – Д. 66.

что, на наш взгляд, не умаляет значения высказанных им предложений, поскольку их автор представляется человеком довольно осведомленным и весьма активным. Об этом можно судить по упоминаниям автора о том, что ранее он уже писал записки о проблемах управления западными окраинами, которые, по его утверждению, были замечены царем и даже частично получили отражение в правительственных решениях. В 1841 г. прокурор, по собственному признанию, «возвысил голос в защиту русских» в Риге, в результате чего их разрешили принимать «в состав местного гражданства»²⁷. Программа действий в записке Кутузова сводилась к обоснованию необходимости проведения курса на русификацию западных окраин, выражавшемся в предложениях «ввести общие начала государственного управления в губерниях и областях, подвластных России, но чуждых ей духом и народностью», а также вверять высшее управление окраинами «исключительно Русским»²⁸.

В целом, представленные от имени общественности проекты изменения политики в отношении национальных окраин демонстрировали более решительный, чем у правительства Николая I, настрой на реализацию русификаторского курса. Однако, обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы не обозначали точных сроков и не требовали скорейшей реализации данного курса. В частности, К. Кутузов откладывал реализацию своей программы до тех времен, когда Россия «станет образованнее тех народов, которые ею покорены»²⁹. Пессимизм автора одного из первых проектов преобразования политики в отношении окраин империи разделяли и другие представители общественности. Спустя четверть века Ю.Ф. Самарин в письме к Александру II отметил, что российское правительство «хотело и хочет, чтобы издаваемые им законы имели в Прибалтийском крае такую же обязательную силу, как и в других областях империи...» Вместе с тем, автор признавал, что эти желания были реализованы лишь частично, даже несмотря на то, что к этому времени вектор правительственной политики склонялся к самым радикальным мерам по интеграции западных окраин в общеимперское пространство³⁰.

Значимым фактором, оказавшим влияние на взаимодействие власти и общественности во второй четверти XIX века, выступило быстрое развитие и

²⁷ Записка о необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы // РГИА. – Ф. 1101. – Оп.1. – Д. 66. – Л. 32 об.

²⁸ Там же. – Л. 32.

²⁹ Там же. – Л. 42–42 об.

³⁰ Самарин Ю.Ф. Всеподданнейшее письмо к императору Александру Николаевичу // Самарин Ю.Ф. Православие и народность / ответственный редактор О. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 662.

расширение публичной сферы в России. В этих условиях П.А. Вяземский, обобщая желание представителей общества участвовать в обсуждении проблем страны и их готовность к сотрудничеству с властью, призывал правящую бюрократию прислушаться к общественному мнению, поскольку, указывая он, «в толпе столичных гостиных, в толпе губернских дворянских съездов ... есть свои трибуны, свои оппозиционные словесные журналы»³¹. В данном случае, скорее всего, имелись в виду многочисленные площадки для «живых дискуссий», проходивших в полуприватном пространстве литературно-философских кружков, обществ, светских салонов и в широком интеллектуальном поле публичных лекций в университетах, на торжественных обедах, юбилеях, благотворительных публичных чтениях. При всем многообразии форм объединения интеллектуальных сил страны, безусловным приоритетом среди них пользовались литературные кружки и салоны. Объяснялось такое положение рядом причин, основной из которых называлась распространенность данной формы общественного действия в практике европейских стран в Новое время, когда, по данным Ю. Хабермаса, они выступали важным институтом общественной коммуникации, центрами относительно свободных и критических дискуссий³².

Сходные оценки литературных кружков и салонов представлены и в отечественной общественной мысли. Суммируя их значение, современник николаевской эпохи К.Д. Кавелин утверждал, что в них «зародилось и созрело все наше последующее умственное движение...»³³ Схожее мнение высказывал и А.И. Кошелев, отмечая на примере деятельности кружка славянофилов усиливающееся влияние общественных структур «не только в литературной, но и в общественной, даже политической жизни России»³⁴. Вместе с тем, указанные суждения были сформулированы в более поздний период, в то время как в начале XIX века кружки представителей образованного общества оценивались как некие «оазисы» в общей массе русского народа, в которых «сосредоточивались лучшие умственные и культурные силы», вырабатывались

³¹ Цит. по: Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского. – С. 128.

³² *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society / translated by Th. Burger and F. Lawrence. – Cambridge: Polity Press, 1989. – P. 24.

³³ *Кавелин К.Д.* Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Стлб. 1076.

³⁴ *Кошелев А.И.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / составитель И.И. Подольская. – Москва: Правда, 1990. – С. 138.

«изящные, глубоко просвещенные и нравственные личности»³⁵. Благодаря своему составу, утверждал К.Д. Кавелин, русские кружки и салоны этого времени и «в любом европейском обществе заняли бы почетное место и играли бы видную роль»³⁶. Однако ученый делает достаточно пессимистичный вывод о том, что эти «во всех отношениях замечательные люди» в начале столетия были мало связаны с общественной жизнью, поскольку «вращались только между собою и оставались без всякого непосредственного действия и влияния на все то, что находилось вне их тесного немногочисленного кружка»³⁷. Ученый заявляет, что, несмотря на вышеуказанные факторы, именно этим людям, выступавшим «поборниками свободных учреждений», мечтавшим об освобождении крепостных, проведении преобразований в образовательной, финансовой, административной сферах, общество и правительство существенно обязаны «успехами России в течение девятнадцатого века»³⁸. Поясняя столь явное противоречие в своих оценках, Кавелин, сам выступавший активным участником литературного салона А.П. Елагиной, отмечает, что на протяжении всего царствования Николая I

в литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения³⁹.

Повышение значимости таких объединений было связано и с цензурными условиями, при которых издательское дело и журналистика, несмотря на свой поступательный рост, обусловленный увеличением слоя образованных людей (к 1850-м годам в России насчитывалось около 20 тысяч человек с высшим образованием⁴⁰), были ограничены в своей деятельности запретом на обсуждение широкого круга вопросов, касавшихся не только правительственной и административной деятельности, но и различных сфер общественной жизни. Процесс самопознания русской общественности протекал в постоянной апелляции к западноевропейскому опыту государственного и общественного строительства, с обращением к ценностям западной цивилизации, которые приобретали в общественной среде либо позитивные,

³⁵ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Стлб. 1129.

³⁶ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина. – Стлб. 1129.

³⁷ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина. – Стлб. 1129.

³⁸ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина. – Стлб. 1129.

³⁹ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина. – Стлб. 1115.

⁴⁰ Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – С. 64.

либо негативные коннотации. От самопознания русское общество перешло к осознанию себя в качестве активного субъекта, обладающего не только возможностями, но и правом влиять на разработку и принятие важных политических решений.

Достижению указанной цели способствовало то обстоятельство, что николаевская эпоха стала временем формирования высокопрофессиональных бюрократических кадров, обладавших достаточными знаниями и опытом для проведения коренных преобразований в государстве. Бюрократы новой формации были готовы решать многочисленные внутренние проблемы России в сотрудничестве с прогрессивными общественными деятелями⁴¹. Их объединяло неприятие крепостничества и стремление содействовать монархии в деле реформирования страны. По словам Б.Н. Чичерина, они составляли хотя и меньшинство, но меньшинство «значительное и просвещенное»⁴². «Новые люди» – крупные государственные деятели середины – второй половины XIX века, такие как Д.А. и Н.А. Милютины, А.В. Головин, М.Х. Рейтерн, В.А. Татаринов, С.И. Зарудный и др., подготовившие и реализовавшие многие реформаторские проекты 1860-х годов, – опыт практической работы и необходимые теоретические знания обретали в государственных учреждениях времен николаевского правления: в министерствах государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, Морском министерстве и во Втором отделении Собственной Е.И.В. канцелярии.

Сплочение либеральной части чиновничества и представителей общественности на основе единства взглядов и общей практической работы происходило, в том числе, в рамках деятельности созданного в 1845 г. под председательством великого князя Константина Николаевича Русского географического общества и примыкавшего к нему «интимного кружка» братьев Милютиных⁴³. В конце 1840-х годов члены кружка установили связи с великокняжеским салоном Елены Павловны, в окружение которой входили представители бюрократии и общественности, отличавшиеся либеральными взглядами. В начале 1850-х гг. политическая значимость салона великой

⁴¹ Карпачев М.Д. Либеральные веяния русской бюрократии пореформенного времени // Вестник НВГУ. – 2008. – № 1. – С. 41–50; Richardson C. Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners' role in the foundation of civil society in imperial Russia. – Pittsburgh: Center for Russian and East European studies, University of Pittsburgh, 2010.

⁴² Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. – С. 12.

⁴³ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1856 / под редакцией Л.Г. Захаровой. – Москва: Российский архив, 2000. – С. 136–137; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1911. – С. 13.

княгини существенно возросла⁴⁴. В первые годы правления Александра II великокняжеский салон Елены Павловны постепенно становился центром обсуждения и подготовки значимых политических решений, выработки мнений и влияния на настроения в верхах. Это особое значение, которое салон великой княгини сыграл в политической жизни страны и в налаживании взаимодействия власти и общества, отмечали многие представители общественности. Суммируя их, Ю.Ф. Самарин писал А.О. Смирновой после получения известия о кончине великой княгини, что

в ее лице правительство лишилось незаменимого органа, единственного органа, как бы щупа, которым оно соприкасалось с мыслящею частью русского общества⁴⁵.

Заключение

Эпоха правления Николая I представляет собой один из наиболее сложных периодов во взаимоотношениях власти и общественности, отмеченный усилением бюрократической регламентации всех сторон государственной жизни. Наряду с этим власть не располагала налаженными двусторонними каналами коммуникации с формирующимся образованным обществом. Единственным каналом информирования власти являлось III Отделение, транслировавшее общественные настроения, отдельные разговоры, слухи, имевшие, с точки зрения самодержавной власти, неблагонадежную направленность. Несколько по-иному оценивали сложившееся положение представители общественности, которые стремились использовать альтернативные каналы доступа к самодержавной власти, включая записки и письма, в том числе анонимные. Тематика подобных обращений определялась пониманием значимости различных вопросов государственной жизни. Обострение в 1840-е годы проблемы управления западными окраинами империи подвигло представителей общественности адресовать императору ряд писем и записок с обоснованием необходимых изменений в окраинной политике самодержавия.

Наряду с этим, отсутствие в стране практики эффективного сотрудничества не отменяло внутренней позитивной работы по самоорганизации общественности и выработке ее представителями идейных оснований возможных реформ и предложений по корректировке отдельных направлений

⁴⁴ Бахрушин С.А. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян: деятели реформы: сборник статей. – Москва: Научное слово, 1911. – С. 137.

⁴⁵ Самарин Ю.Ф. 1840–1876: Статьи. Воспоминания. Письма / составитель Т.А. Медовичева. – Москва: Терра, 1997. – С. 234.

национальной политики правительства. И в институциональном, и в содержательном отношениях во второй четверти XIX века в среде русского образованного общества сложились возможности, а также появилось осознание собственной готовности к взаимодействию с представителями власти. Особое значение в годы царствования Николая I приобрели салонные и кружковые практики взаимодействия, эффективность которых определялась наличием в рядах российской бюрократии плеяды государственных деятелей, способных и готовых взять на себя функцию налаживания обратной связи с общественностью. Так возникла уникальная форма властно-общественного взаимодействия – великокняжеские салоны и кружки (например, Кавелина–Милютиных), активно включившиеся в разработку актуальных вопросов внутренней политики в царствование Александра II.

Introduction

The almost thirty-year reign of Emperor Nicholas I represents a very controversial era in the history of Russia. On the one hand, the government continued to support the internal political educational trend of the beginning of the century, taking into consideration the provisions of European theoretical thought in its policy. This resulted in the spread of theories that were unusual for the system of autocratic power in Russia. Among them was “the idea of society,” which, according to the famous French historian and thinker Michel Foucault, became “one of the greatest discoveries of political thought at the end of the 18th century” in Europe. According to this idea,

government not only has to deal with a territory, with a domain, and with its subjects, but that it also has to deal with complex and independent reality that has its own laws and mechanisms of reaction, its regulations as well as its possibilities of disturbance.¹

A similar situation was observed in the Russian Empire which was included in the pan-European process of the formation public sphere and the public as its key

¹ M. Foucault, *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews* [in Russian], pt. 3, transl. B.M. Skuratov, ed. V.P. Bol'shakov (Moscow: Praksis, 2006), 219.

element. During the second quarter of the 19th century, the representatives of Russian educated society discovered themselves in a new capacity as an active subject of the socio-political process, capable of opposing the government and participating in choosing the national development strategy on an equal basis with it. On the other hand, the implementation of this trend was limited by the government policy of overall state tutelage and administrative pressure, which prevented the representatives of society from the involvement in the discussion of any issues of national importance.

The above-mentioned features make it possible to consider the problem of interaction between the authorities and the educated society as one of the most relevant problems both in Russian and in foreign historiography, although different periods within the Long Nineteenth Century enjoy unequal attention of researchers. Historiography has accumulated considerable experience in studying this problem within the framework of a broader topic related to understanding the processes of preparation and implementation of Russian reforms.² Most authors agree that the internal policy of the government of Nicholas I, which assumed a “gradual improvement” of state life, indicated a refusal of any cooperation with Russian educated society, which ultimately had led to their mutual alienation by the end of the reign of Nicholas I.³ Within the framework of this approach, much less attention is

² A.N. Medushevskii, “The Great Reform and modernization of Russia” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2011): 3–27; S.V. Udalov, “The ‘Russia and the West’ problem through the eyes of Nicholas I (1826 – the first half of the 1830s) [in Russian], in *Nikolas I’s Russia: power and society: materials of the round table dedicated to the 80th birthday of I.V. Porokh* (Saratov, April 26–27, 2002), ed. O.Yu. Abakumov (Saratov: Saratovskii universitet, 2004), 288–96; I.A. Khristoforov, “‘Liberal paternalism’: the peasant issue before and after 1861 in literature and in reality” [in Russian], *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*, vol. 10 (2012): 115–30; V.G. Chernukha, “Alternative program of Russia’s imperial policy in the era of the Great Reforms [in Russian], in *Power, society and reforms in Russia: history, sources, historiography: materials of the All-Russian scientific conference (St Petersburg, December 6–7, 2006)*, ed. L.A. Verbitskaya (St Petersburg: Olearius Press, 2007), 295–302; V.V. Shelokhaev, “Specific features of relations between power and society in Russia: history and modernity” [in Russian], in *Where is Russia going? Power, society, personality*, ed. T.I. Zaslavskaya (Moscow: MVShSEN, 2000), 10–20; W.B. Lincoln, *In the vanguard of reform: Russia’s enlightened bureaucrats, 1825–1861* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982); S. Monas, *The Third Section. Police and society in Russia under Nicholas I* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961).

³ B.N. Mironov, *Social history of Russia during the period of the empire (18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and rule-of-law state* [in Russian], vol. 2 (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999), 219–20; M.M. Shevchenko, *The end of one Greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia at the point of Emancipation Reform* [in Russian] (Moscow: Tri kvadrata, 2003), 181–82; S.A. Ekshtut, *Everyday life of the Russian intelligentsia from the era of the Great Reforms to the Silver Age* [in Russian] (Moscow:

paid to the study of another component of the Nicholaevan era, namely the experience and peculiarities of interaction between the government and the public and the identification of the main forms of communication between them during that period. In our opinion, this approach does not sufficiently consider the shifts in the social development of that time. Describing its features, B. Chicherin admitted that in the second quarter of the 19th century “the intelligent part of the Russian people viewed the government as their enemy.” At the same time, the educated society in Russia retained lively thinking and had spiritually matured by the end of the Nicholaevan reign.⁴ Chicherin’s statement documented the specific character of this stage in the process of the formation of Russian society, consisting in the fact that excessive state tutelage increased the need of Russian intellectuals for self-expression and discussion of the urgent problems of the country’s development. This was caused mostly by the unresolved and continually postponed “sore” questions and the increasing development of sensitive public consciousness. In this regard, the purpose of this article is to clarify the current state and development trends of the educated society of Russia in the second quarter of the 19th century, to indicate the level of claims of its representatives to participate in the discussion of topical issues of state policy, including the government course in relation to national outskirts. The article also highlights the channels of power-society interaction that determined the formation of the future model of the relationship between the government and the educated society in Russia in the second half of the 19th century.

Main Body

The position of the representatives of Russian society regarding the legitimacy of their claims to participate in the discussion of significant socio-political issues was determined by the theoretical ideas of that time about the ideal type of power. Characterising such ideas, the publicist and historian Prince P. Vyazemsky admitted in 1833 that “the supreme power should be at the head of all activities and any kind of development in the country.” However, at the same time, he wondered why it should “neglect and leave outside of its activities the element giving most fruitful results, the power of the intellect.”⁵ The validity of his position was later confirmed by B. Chicherin, who said, “Only that government is strong, which relies on the best

Molodaya gvardiya, 2012), 56–57; D. Field, “Kavelin and Russian liberalism,” *Slavic Review*, vol. 31, no. 1 (1973): 60.

⁴ B.N. Chicherin, *Russia on the eve of the 20th century* [in Russian] (Berlin: G. Steinitz, 1900), 12, 169.

⁵ Cited in M.I. Gillel'son, “Unknown publicistic speeches of P.A. Vyazemskii and I.V. Kireevskii” [in Russian], *Russkaya literatura*, no. 4 (1966): 127.

intellectual forces of its people, that is, on its intelligentsia.”⁶ Considering the peculiarities of this rule manifesting itself in autocratic Russia, he stated that a special condition to be considered, which provides the monarch with “better guarantees of a just government,” is the opportunity and the need to hear not only “the opinion of one occasional adviser minister on the issue under discussion, but also the opinion of other competent and independent persons.”⁷

At the same time, the difficulty in implementing these principles in the Russian Empire was determined by the state and degree of maturity of the educated society in the country. The opinions of contemporaries on this issue appear to be very ambiguous. In a letter to Jeremiah Bentham, a European thinker, dated back to the beginning of the 19th century, M. Speransky emphasized that among the population of the Russian Empire “most often one can find obedient susceptibility to the beneficial actions of the intelligent and reasonable government.”⁸ This situation looked especially symptomatic against the background of public activity and civic initiative that was developing at that time in Europe. According to the well-known publicist, ideologist of the Decembrist movement N. Turgenev,

the lack of publicity that prevails in Russia cannot be imagined in any European country.⁹

P. Vyazemsky considered the reasons and factors of such a situation from the perspective of the representatives of the educated society in Russia. As if agreeing with Speransky, he declared a little bit later that “our government is strong through our obedience.” At the same time, he clarified that the government “does nothing to earn the trust” of society, neglecting “the power of conviction, and the strength of morality.”¹⁰ The situation was aggravated by the attitude towards public initiative in the highest ruling circles in the 1830s. The representatives of such circles considered any participation in public discussions a step which did not befit “the dignity of monarchical rule.”¹¹

⁶ B.N. Chicherin, “Thoughts on the current situation in Russia” [in Russian], *Literatura i zhizn'*, accessed April 18, 2021, http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html

⁷ Chicherin, “Thoughts on the current situation in Russia.”

⁸ Cited in A.N. Pypin, “Russian relations of Bentham” [in Russian], *Vestnik Evropy*, no. 4 (1869): 734.

⁹ N.I. Turgenev, *Russia and Russians* [in Russian] (Moscow: OGI, 2001), 439.

¹⁰ Cited in Gillel'son, “Unknown publicistic speeches,” 128.

¹¹ V.V. Stasov, “Censorship during the reign of Emperor Nicholas I” [in Russian], *Russkaya starina*, vol. 113, no. 2 (1903): 306.

The well-known publicist believed the lack of interaction between the government and the society to be the result of such a policy. For example, this was illustrated by the fact that during the Polish Uprising of 1831 “our victory was supported only by the silence of our press.”¹² Over time, such assessments had become typical for Russian public opinion. Summarizing them in 1880, the author of an internal review in the liberal *Vestnik Evropy*’ [Bulletin of Europe] argued that, starting with Peter the Great,

any transformations in the Russian state and in its social system took place in the midst of silence and – at least apparent – indifference of the society. The society did not express its opinion either about the road to be taken or about what had already been done in the chosen direction.¹³

It must be admitted that representatives of the Russian educated society were aware of this problem and offered various options for its solution. Let us note the fact that they assigned a significant role to the policy of the government. According to P. Vyazemsky, under the prevailing conditions, it was the government that should

influence public opinion, take part in daily disputes, stand up for itself when it is being accused, defend its own rights when these rights are violated, unite minds around its banner, lead public opinion, this secret rival, all the more hostile, the less well-informed it is.¹⁴

At the same time, he claimed that the government’s attempt to give public opinion a “defensive and protective direction” would lead to negative consequences and put the government at a disadvantage in the eyes of the society, where “the work of thought” was growing stronger and stronger.¹⁵

The intensification of the intellectual activity of the educated part of Russian society which was noted by contemporaries saturated the public sphere in Russia with significant transformative ideas and oriented the public towards communication with the supreme power in order to correct various aspects of state policy. It should be noted that the practice of attracting educated people by the authorities as consultants on various topical issues of the country’s social and political development was not completely unusual for Russia. It is typical to associate it with the era of Catherine II, but it became most widely spread in the 19th century. The activism of Russian intellectuals was explained, on the one hand, by the reformist course of Alexander I,

¹² Stasov, “Censorship during the reign of Emperor Nicholas I,” 326.

¹³ “Internal review” [in Russian], *Vestnik Evropy*, no. 3 (1880): 400.

¹⁴ Cited in Gillel'son, “Unknown publicistic speeches,” 125.

¹⁵ Cited in Gillel'son, “Unknown publicistic speeches,” 127.

and on the other hand, by the growth in the number of educated young people who sought to apply the knowledge acquired in European universities to Russian reality. First of all, let us note the role of N. Karamzin. Yu. Pivovarov referred to him as the first Russian writer who “assumed” the right to preach to the authorities and society and even claimed the role of “adviser to the tsars.”¹⁶

This example of the famous historiographer is not the only one in the history of Russian social thought at the beginning of the 19th century. This tendency further continued in the second quarter of the century, which was expressed in numerous appeals addressed to the sovereign, both in the form of personal messages and letters deposited in the funds of the imperial chancellery, and in the practice of open letters. At the same time, despite the growing desire of the Russian authorities to restrict the “work of thought,” the main forms of interaction between the authorities and the educated society were outlined. Based on them, members of the public were able to communicate to the authorities their vision of possible ways of solving pressing socio-political problems. Under the conditions of actual prohibition to discuss the issues of state policy in the press in compliance with the Censorship Charter of 1828, the practice of personal appeals to the emperor through letters and notes was further developed. A special place in this series is occupied by the letters of the Decembrists to Nicholas I, containing an exposing description of all the existing “disorders” of Russian life. Their authors pointed to “a complete lack of law and fairness in legal proceedings,” burdensome taxes, “condensed education,” “strangled freedom,” and also many of the country’s financial and economic problems.¹⁷ These letters set forth a formula that was later used by public figures of the era of the Great Reforms: in times of a crisis, “the duty of a loyal subject is to tell the Monarch the truth without any embellishment” and, leaving aside empty eloquent phrases, to be guided only by the truth.¹⁸

Anonymous letters and notes, the value of which is determined by the opportunity to speak openly about the country’s topical problems, form a significant collection of appeals to the supreme power. One of them, written to Nicholas I in 1848 apparently

¹⁶ Yu.S. Pivovarov, *Essays on the history of Russian socio-political thought in the 19th – first third of the 20th centuries* [in Russian] (Moscow: INION RAN, 1997), 32.

¹⁷ “Letters of Peter Grigorievich Kakhovskii to Emperor Nikolai I Pavlovich and Adjutant General Levashev” [in Russian], in A.K. Borozdin, ed., *From letters and testimony of the Decembrists: criticism of the current state of Russia and plans for the future system* (St Petersburg: Izdatel'stvo M.P. Pirozhkova, 1906), 25.

¹⁸ “Letter of Alexander Alexandrovich Bestuzhev to Emperor Nikolai I Pavlovich from the Peter and Paul Fortress” [in Russian], in A.K. Borozdin, ed., *From letters and testimony of the Decembrists: criticism of the current state of Russia and plans for the future system* (St Petersburg: Izdatel'stvo M.P. Pirozhkova, 1906), 35; “Letters of Peter Grigorievich Kakhovskii to Emperor Nikolai I Pavlovich and Adjutant General Levashev,” 19.

by a minor official who received a small salary, contains an appeal from a representative of the Russian public society who was not indifferent to the plight of the people.¹⁹ He was worried about the widespread poverty. Among possible reasons, the appeal names “frequent trips abroad of persons of the imperial court, and especially the empress, which are enriching foreigners.”²⁰ It is curious that seven years later the same topic was mentioned again by Alexander Herzen, whose article was included in the summary of informer reports.²¹ Thus, an anonymous letter from an unknown official identified the nationwide problem of widespread poverty, although it proposed a clearly non-working algorithm for resolving it, which could hardly interest Nicholas I.

At the same time, public aspirations were not always ignored by the monarch. One of the few instances of productive interaction between the government and the public in the second quarter of the 19th century, in our opinion, is the discussion of the status and methods of management of the newly acquired territories of the Empire’s national outskirts. Representatives of the authorities and the educated public expressed different views on this problem. Moreover, among the correspondents there were people who differed in the degree of involvement in the formation of politics and often defended opposite opinions. For example, Nicholas I found it necessary to ask for possible clarifications on the situation in the Ostsee governorates both the Minister of Public Education Sergei Uvarov and the academician Georg Friedrich Parrot, former Rector of the University of Dorpat. In the minister’s report, it was proposed to spread the Russian language along with the German language both in educational and in administrative institutions. The academician, however, actively defended the need to preserve special order in the Ostsee region, pointing out that “the degree of development of the Baltic governorates is higher than in the rest of Russia.”²² An important trait in the characteristic of the authorities was the fact that

¹⁹ “Anonimnoe pis'mo na imya tsarya i Adlerberga o bezzakonii, tsaryashchem v Rossii, nishchete, predstoyashchei krest'yanskoi reforme i o zagovore protiv tsarya” [Anonymous letter addressed to the Tsar and Adlerberg about the lawlessness dominating in Russia, poverty, the impending peasant reform and about the conspiracy against the Tsar]. F. 109, op. 3a, d. 69, l. 1. Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

²⁰ Ibid., l. 8 ob.

²¹ “August travelers” [in Russian], in Kolokol, Newspaper of A.I. Herzen and N.P. Ogarev: Vol'naya Russkaya Tipografiya. 1857–1867. London–Geneva, is. 1, facsimile edition (Moscow: AN SSSR, 1962), 8–9; “Svodki agenturnykh donesenii o populyarnosti i rasprostranении sochinenii Gertsena A.I.” [Summaries of informer reports on the popularity and distribution of A.I. Herzen’s works]. F. 109, op. 1, d. 85, l. 6. GARF.

²² Cited in M. Mardar'ev, “Letters and notes of Georg Friedrich Parrot to the emperors Alexander I and Nicholas I” [in Russian], *Russkaya starina*, vol. 83, no. 4 (1895): 217.

Nicholas I put “I agree” resolution on the Uvarov’s report and Parrot received a letter of gratitude from the chief of gendarmes.²³

Another interesting fact to be noted in this regard is the gradual expansion of the circle of volunteer assistants to the authorities during the reign of Nicholas I. Letters and notes addressed to the emperor were drawn up by governors and government officials, individuals and writers. For instance, Yu. Samarin, an official of the Ministry of Internal Affairs who later became a well-known publicist, wrote about the situation in the Ostsee governorates. Prominent people of both capitals got acquainted with his ‘Letters from Riga’ dated 1848 and containing, according to Baron Nolde, “a passionate criticism of Russian policy in the Ostsee region.”²⁴ Nicholas I himself responded to Samarin’s position, accusing the publicist of the intention to turn Germans into Russians “by coercion, by force” and of setting “the public opinion against the government.” The Tsar regarded this as a preparation for a repetition of the events of December 14, 1825.²⁵ Such assessment of the situation seems to us noteworthy only because the Russification proposals of Yu. Samarin coincided with the opinion of the general public.

The contents of one of the notes dated 1842 and signed by the prosecutor of the Senate K. Kutuzov are also a convincing piece of evidence of this.²⁶ We could not find his name in the list of employees of this institution, which, in our opinion, does not diminish the significance of the proposals he made, since their author seems to be a knowledgeable and very active person. This can be deduced from the author’s mention of the fact that he had previously written notes on the problems of managing the western outskirts. According to him, the notes were noticed by the Tsar and partially reflected in the decisions of the government. By his own admission, in 1841 the prosecutor “raised his voice in defence of the Russians” in Riga, as a result of which they were allowed to be accepted “into local citizenship.”²⁷ The program of action in Kutuzov’s note justified the need to pursue a course towards Russification of the western outskirts of the Russian Empire. It was proposed “to introduce general principles of state administration in the governorates and regions which belonged to

²³ Mardar'ev, “Letters and notes of Georg Friedrich Parrot,” 219.

²⁴ B.E. Nol'de, *Yuri Samarin and his time* (Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926), 44–45.

²⁵ Nol'de, *Yurii Samarin and his time*, 48.

²⁶ “Zapiska o neobkhodimosti vvesti vo vsekh guberniyakh i oblastiakh imperii russkie organicheskie zakony” [Note on the need to introduce Russian organic laws in all governorates and regions of the empire]. F. 1101, op. 1, d. 66. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

²⁷ *Ibid.*, 1. 32 ob.

Russia but were alien to Russian spirit and nationality” and to entrust higher administration of the outskirts “exclusively to Russians.”²⁸

In general, the projects for changing the policy in relation to the national outskirts, presented on behalf of the society, demonstrated more determination to implement the Russification course than the government of Nicholas I did. However, what merits attention here is the fact that the authors did not indicate the exact dates and did not demand the promptest implementation of this course. In particular, K. Kutuzov postponed the implementation of his program until the time when Russia “became more educated than the peoples it conquered.”²⁹ Other members of the public shared the pessimism of the author of one of the first projects for transforming the policy towards the outskirts of the Russian Empire. In a letter to Alexander II a quarter of a century later, Yu. Samarin noted that the Russian government “had wanted and still wanted the laws it issued to have the same binding force in the Baltic region as in other areas of the empire.” At the same time, the author admitted that these desires were fulfilled only partially despite the fact that by that time the vector of government policy had been inclined towards the most radical measures aimed at integrating the western outskirts into the territory of the empire.³⁰

Another significant factor which influenced the interaction between the authorities and the society in the second quarter of the 19th century was the rapid development and expansion of the public sphere in Russia. Under these conditions, P. Vyazemsky summarized the desire of the representatives of the society to participate in the discussion of the country’s problems and their willingness to cooperate with the authorities. He called upon the ruling bureaucracy to listen to public opinion because “in the crowd of the capital’s drawing rooms, in the crowd of provincial noble congresses. . . there were tribunes and there were oppositional verbal magazines.”³¹ It is most likely that in this case he meant numerous platforms for “lively discussions” held in the semi-private space of literary and philosophical circles, societies, salons, and in the wide intellectual space of public lectures at universities, at gala dinners, anniversaries, and charitable public readings. With all the variety of forms uniting the country’s intellectual forces, literary circles and salons enjoyed an unconditional priority. This situation was explained by a number of reasons. The main reason was the prevalence of this form of social action in the

²⁸ “Zapiska o neobkhodimosti vvesti vo vsekh guberniyakh i oblastyakh imperii russkie organicheskie zakony” [Note on the need to introduce Russian organic laws in all governorates and regions of the empire]. F. 1101, op. 1, d. 66, l. 32. RGIA.

²⁹ Ibid., ll. 42–42 ob.

³⁰ Yu.F. Samarin, “Most humble letter to Emperor Alexander II Nikolaevich” [in Russian], in Yu.F. Samarin, *Orthodoxy and populism*, ed. O. Platonov (Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008), 662.

³¹ Cited in Gillel'son, “Unknown publicistic speeches,” 128.

practice of European countries in modern times, when, according to Jürgen Habermas, they acted as an important institution of public communication and as centres of relatively free and critical discussions.³²

Similar assessment of literary circles and salons can be found in Russian social thought. Summarizing their significance, a contemporary of the Nicholaevan era K. Kavelin, stated that in them, “all our subsequent intellectual development was born and matured. . .”³³ A similar opinion was expressed by A. Koshelev. He noted the growing influence of social structures on the example of the activities of the Slavophile circle “not only in literary but also in public, even in political life of Russia.”³⁴ These judgments were formulated in a later period whereas at the beginning of the 19th century the circles of representatives of the educated public in Russia were assessed as some kind of “oases” in the general mass of the Russian people. “The best intellectual and cultural forces were concentrated” in them and “graceful, deeply enlightened and moral personalities” were developed.³⁵ According to K. Kavelin, due to their composition, Russian circles and salons of that time “would take an honourable place and play a prominent role in any European society.”³⁶ However, the scholar made a rather pessimistic conclusion that those people, “remarkable in all respects, had little to do with social life” at the beginning of the century because “they mingled only among themselves and took no direct action and had no direct influence on anything that was outside of their small circle.”³⁷ The scholar stated that despite all the factors mentioned above, the credit for the successes of Russia during the 19th century should be given to these people, as they acted as “the advocates of free institutions”³⁸ and dreamed of emancipating the serfs and carrying out reforms in the educational, financial, and administrative spheres. Explaining such an obvious contradiction in his assessment, Kavelin, who was an active participant in the literary salon of A. Elagina, noted that during the reign of Nicholas I

³² J. Habermas, *The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society*, transl. Th. Burger and F. Lawrence (Cambridge: Polity Press, 1989), 24.

³³ K.D. Kavelin, “T.N. Granovskii” [in Russian], in K.D. Kavelin, *Collected works*, vol. 3 (St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899), col. 1076.

³⁴ A.I. Koshelev, “Sketches” [in Russian], in I.I. Podol'skaya, comp., *Russian memoirs. Selected pages (1826–1856)* (Moscow: Pravda, 1990), 138.

³⁵ K.D. Kavelin, “Avdot'ya Petrovna Elagina” [in Russian], in K.D. Kavelin, *Collected works*, vol. 3 (St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899), col. 1129.

³⁶ K.D. Kavelin, “Avdot'ya Petrovna Elagina”, col. 1129.

³⁷ K.D. Kavelin, “Avdot'ya Petrovna Elagina”, col. 1129.

³⁸ K.D. Kavelin, “Avdot'ya Petrovna Elagina”, col. 1129.

the Russian thought was born, brought up, matured, and developed in literary circles and salons; the upcoming Russian generations were prepared for literary and scientific activity there.³⁹

The increase in the importance of such associations was also connected with censorship. Despite their progressive growth due to an increase of educated people (in the 1850s, there were about 20 thousand people with higher education in Russia),⁴⁰ both publishing business and journalism were limited in their activities by a prohibition to discuss a wide range of issues related not only to government and administrative activities but also to various spheres of public life. The process of self-knowledge of the Russian public went on with constant appeals to the Western European experience of state and social construction and to the values of Western civilization, which acquired either positive or negative connotations in the public environment. From self-knowledge, Russian society moved on to realizing itself as an active subject, possessing not only certain opportunities but also the right to influence the development and adoption of important political decisions.

The achievement of this goal was facilitated by the fact that the Nicholaevan era became the time for the emergence of highly professional bureaucratic personnel who had sufficient knowledge and experience to carry out fundamental transformations in the state. The bureaucrats of the new type were ready to solve numerous internal problems of Russia in cooperation with progressive public figures.⁴¹ They were united by their rejection of serfdom and by their desire to assist the monarchy in the process of reforming the country. According to B. Chicherin, although they were a minority, they were still a “significant and enlightened” minority.⁴² These “new people” – major statesmen of the middle and the second half of the 19th century, such as D. Milyutin and N. Milyutin, A. Golovnin, M. von Reutern, V. Tatarinov, S. Zarudnyi and others, who prepared and implemented many reform projects of the 1860s – gained practical experience and the necessary theoretical knowledge in state institutions of the Nicholaevan era: Ministry of State Property, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Justice, Naval Ministry and in the Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery.

³⁹ K.D. Kavelin, “Avdot'ya Petrovna Elagina”, col. 1115.

⁴⁰ Eckshtut, *Everyday life of the Russian intelligentsia*, 64.

⁴¹ M.D. Karpachev, “Liberal tendencies of the Russian bureaucracy of the post-reform time” [in Russian], *Vestnik NVGU*, no. 1 (2008): 41–50; C. Richardson, “Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners’ role in the foundation of civil society in imperial Russia” (Pittsburgh: Center for Russian and East European studies, University of Pittsburgh, 2010).

⁴² Chicherin, *Russia on the eve of the 20th century*, 12.

Consolidation of the liberal part of the bureaucracy and members of the public on the basis of common views and common practical work took place, among other things, within the framework of the activities of the Russian Geographical Society, established in 1845 under the chairmanship of Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia, and the “intimate circle” of the Milyutin brothers adjoining it.⁴³ In the late 1840s, the members of the circle established ties with the salon held by Grand Duchess Elena Pavlovna, who gathered around herself representatives of the bureaucracy and the public distinguished by liberal views. In the early 1850s, the political significance of the salon of Grand Duchess Elena Pavlovna increased significantly.⁴⁴ During the first years of the reign of Alexander II, this salon gradually became the centre of discussion and preparation of important political decisions, development of opinions and influence on the mood in high spheres. Many members of the public noted the special role which the Grand Duchess’ salon played in the political life of the country and in establishing interaction between power and society. After receiving the news of Grand Duchess’s demise, Yu. Samarin summed up the common opinion of that period in a letter to A. Smirnova:

with her death, the government lost an irreplaceable organ, the only organ, a kind of a probe, by means of which it came into contact with the thinking part of Russian society.⁴⁵

Conclusion

The era of the reign of Nicholas I is one of the most difficult periods in the relationship between the government and the public. It is marked by the strengthening of bureaucratic regulation of all aspects of state life. Along with this, the authorities failed to establish two-way communication channels with the developing educated society. The only channel for informing the authorities was the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery, which broadcast public sentiments, individual conversations, and rumours, which, from the point of view of the autocratic government, were unreliable. The representatives of Russian society, who sought to use any alternative channels of access to autocratic power, including notes and signed

⁴³ D.A. Milyutin, *Memoirs of Field Marshal Count Dmitrii Alekseevich Milyutin, 1843–1856* [in Russian], ed. L.G. Zakharova (Moscow: Rossiiskii arkhiv, 2000), 136–37; P.P. Semenov-Tyan-Shanskii, *The era of peasant emancipation in Russia (1857–1861) in the memoirs of P.P. Semenov-Tyan-Shansky* [in Russian], vol. 1 (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1911), 13.

⁴⁴ S.A. Bakhrushin, “Grand Duchess Elena Pavlovna of Russia” [in Russian], in *Emancipation of the peasants: leaders of the reform: collection of articles* (Moscow: Nauchnoe slovo, 1911), 137.

⁴⁵ Yu.F. Samarin, *1840–1876: Articles. Memories. Letters* [in Russian], comp. T.A. Medovicheva (Moscow: Terra, 1997), 234.

and anonymous letters, assessed the situation somewhat differently. The topics of their appeals were determined by the understanding of significance of various issues of state life. The aggravation of the problem of managing the western outskirts of the empire in the 1840s prompted members of the public to send a number of letters and notes to the Emperor in order to justify the necessary changes in the border policy of the imperial autocracy.

Along with this, the lack of effective cooperation in the country did not cancel the internal positive work on self-organization of the public. Representatives of the society were developing ideological foundations of possible reforms and proposals for adjusting certain lines of the national policy of the government. In the second quarter of the 19th century, the Russian educated society had certain institutional and functional opportunities and was aware of its readiness to interact with the representatives of public authority. Salon and circle practices of interaction were of particular importance during the reign of Nicholas I. Their effectiveness was determined by the presence in the Russian bureaucracy of a number of statesmen who were capable of and ready to assume the function of receiving feedback from the Russian public. This is how a unique form of interaction between the government and the public arose – the grand-ducal salons and circles (for example, Kavelin's and the Milyutins' circles), which were actively involved in the development of topical issues of Russian national policy during the reign of Alexander II.

Список литературы

Августейшие путешественники // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: в 11 вып. Вып. 1 / предисловие М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – Москва: АН СССР, 1962. – Факсимильное изд. – С. 8–9.

Бахрушин С.А. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян: деятели реформы: сборник статей. – Москва: Научное слово, 1911. – С. 115–172.

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1880. – № 3. – С. 400–419.

Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. – 1966. – № 4. – С. 120–134.

Еленев Ф.П. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1891. – 225 с.

Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Стлб. 1115–1132.

Кавелин К.Д. Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Стлб. 1075–1080.

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина [Письмо Александру I по поводу проекта восстановления Польши] // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. – Москва: Жизнь и мысль, 2002. – С. 436–438.

Карамзин Н.М. Новое прибавление // Карамзин Н.М. Избранные труды. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 368–369.

Карпачев М.Д. Либеральные веяния русской бюрократии пореформенного времени // Вестник НВГУ. – 2008. – № 1. – С. 41–50.

Кошелев А.И. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / составитель И.И. Подольская. – Москва: Правда, 1990. – С. 127–147.

Мардарьев М. Письма и записки Георга Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I // Русская старина. – 1895. – Т. 83. – № 4. – С. 191–219.

Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1856 / под редакцией Л.Г. Захаровой. – Москва: Российский архив, 2000. – 525 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 566 с.

Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – Paris: Societe Anonyme imprimerie de Navarre, 1926. – 245 с.

Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. – Москва: ИНИОН РАН, 1997. – 316 с.

Письма Петра Григорьевича Каховского к императору Николаю Павловичу и генерал-адъютанту Левашеву // Из писем и показаний декабристов: критика современного состояния России и планы будущего устройства / под редакцией А.К. Бороздина. – Санкт-Петербург: Издательство М.П. Пирожкова, 1906. – С. 1–32.

Письмо Александра Александровича Бестужева к императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости // Из писем и показаний декабристов: критика современного состояния России и планы будущего устройства / под редакцией А.К. Бороздина. – Санкт-Петербург: Издательство М.П. Пирожкова, 1906. – С. 35–44.

Пытин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. – 1869. – № 4. – С. 730–788.

Самарин Ю.Ф. 1840–1876: Статьи. Воспоминания. Письма / составитель Т.А. Медовичева. – Москва: Терра, 1997. – 2804 с.

Самарин Ю.Ф. Всеподданнейшее письмо к императору Александру Николаевичу // Самарин Ю.Ф. Православие и народность / ответственный редактор О. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 659–674.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского: в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1911. – 440 с.

Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. – 1903. – Т. 113. – № 2. – С. 305–328.

Тургенев Н.И. Россия и русские. – Москва: ОГИ, 2001. – 743 с.

Удалов С.В. Проблема «Россия и Запад» глазами Николая I (1826 – первая половина 1830-х гг.) // Николаевская Россия власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха (Саратов, 26–27 апреля 2002 г.) / ответственный редактор О.Ю. Абакумов. – Саратов: Саратовский университет, 2004. – С. 288–296.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 3 / перевод с французского Б.М. Скуратова. – Москва: Практикс, 2006. – 320 с.

Христофоров И.А. «Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности // Труды Института российской истории. – 2012. – Вып. 10. – С. 115–130.

Чернуха В.Г. Альтернативная программа имперской политики России эпохи Великих реформ // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.) / под редакцией Л.А. Вербицкой. – Санкт-Петербург: Олеариус Пресс, 2007. – С. 295–302.

Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России // Литература и жизнь. – URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html (дата обращения: 18.04.2021).

Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. – Берлин: Г. Штейниц, 1900. – 180 с.

Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – Москва: Три квадрата, 2003. – 256 с.

Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под редакцией Т.И. Заславской. – Москва: МВШСЭН, 2000. – С. 10–20.

Экитут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.

Field D. Kavelin and Russian liberalism // *Slavic Review*. – 1973. – Vol. 32. – No. 1. – P. 59–78.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society / translated by Th. Burger and F. Lawrence. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 301 p.

Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats 1825–1861. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. – 297 p.

Monas S. The Third Section. Police and society in Russia under Nicholas I. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. – 354 p.

Richardson C. Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners' role in the foundation of civil society in imperial Russia. – Pittsburgh: Center for Russian and East European studies, University of Pittsburgh, 2010. – 53 p.

References

“Avgusteishie puteshestvenniki” [August travelers]. In *Kolokol. Gazeta A.I. Gertsena i N.P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London–Zheneva* [Kolokol, Newspaper of A.I. Herzen and N.P. Ogarev: Volnaya Russkaya Tipografiya. 1857–1867. London–Geneva], 11 iss., is. 1, foreword by M.V. Nechkina and E.L. Rudnitskaya, facsimile edition, 8–9. Moscow: AN SSSR, 1962. (In Russian)

Bakhrushin, S.A. “Velikaya knyaginya Elena Pavlovna” [Grand Duchess Elena Pavlovna of Russia]. In *Osvobozhdenie krest'yan: deyateli reformy: sbornik statei* [Emancipation of the

peasants: leaders of the reform: collection of articles], 115–72. Moscow: Nauchnoe slovo, 1911. (In Russian)

Chernukha, V.G. “Al'ternativnaya programma imperskoi politiki Rossii epokhi Velikikh reform” [Alternative program of Russia's imperial policy in the era of the Great Reforms]. In *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, istoriografiya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 6–7 dekabrya 2006 g.)* [Power, society and reforms in Russia: history, sources, historiography: materials of the All-Russian scientific conference (St Petersburg, December 6–7, 2006)], edited by L.A. Verbitskaya, 295–302. St Petersburg: Olearius Press, 2007. (In Russian)

Chicherin, B.N. “Mysli o sovremennom polozhenii Rossii” [Thoughts on the current situation in Russia]. *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. Accessed April 18, 2021. http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_mysli_o_sovremennom.html (In Russian)

Chicherin, B.N. *Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the eve of the 20th century]. Berlin: G. Steinitz, 1900. (In Russian)

Ekshtut, S.A. *Povsednevnyaya zhizn' russkoi intelligentsii ot epokhi Velikikh reform do Serebryanogo veka* [Everyday life of the Russian intelligentsia from the era of the Great Reforms to the Silver Age]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. (In Russian)

Elenev, F.P. “Finlyandskii sovremennyi vopros po russkim i finlyandskim istochnikam” [Finnish modern question of Russian and Finnish sources]. – St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1891. (In Russian)

Field, D. “Kavelin and Russian liberalism.” *Slavic Review*, vol. 32, no. 1 (1973): 59–78.

Fuko, M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews], 3 parts. Part 3, translated by B.M. Skuratov, edited by V.P. Bol'shakov. Moscow: Praksis, 2006. (in Russian)

Gillel'son, M.I. “Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniya P.A. Vyazemskogo i I.V. Kireevskogo” [Unknown publicistic speeches of P.A. Vyazemskii and I.V. Kireevskii]. *Russkaya literatura*, no. 4 (1966): 120–34. (In Russian)

Habermas, J. *The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society*, translated by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1989.

Karamzin, N.M. “Mnenie russkogo grazhdanina [Pis'mo Aleksandru I po povodu proekta vosstanovleniya Pol'shi]” [Opinion of a Russian citizen [Letter to Alexander I on the project of the restoration of Poland]]. In N.M. Karamzin, *O drevnei i novoi Rossii. Izbrannaya proza i publitsistika* [About old and new Russia. Selected prose and political essays], 436–38. Moscow: Zhizn' i mysl', 2002. (In Russian)

Karamzin, N.M. “Novoe pribavlenie” [New addition]. In N.M. Karamzin, *Izbrannye Trudy* [Selected works], 368–69. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Karpachev, M.D. “Liberal'nye veyaniya russkoi byurokratii poreformennogo vremeni” [Liberal tendencies of the Russian bureaucracy of the post-reform time]. *Vestnik NVGU*, no. 1 (2008): 41–50. (In Russian)

Kavelin, K.D. “Avdot'ya Petrovna Elagina.” In K.D. Kavelin, *Sobranie sochinenii* [Collected works], 4 vols., vol. 3, col. 1115–32. St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. (In Russian)

Kavelin, K.D. “T.N. Granovskii.” In K.D. Kavelin, *Sobranie sochinenii* [Collected works], 4 vols., vol. 3, col. 1075–80. St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. (In Russian)

Khristoforov, I.A. “‘Liberal'nyi paternalizm’: krest'yanskii vopros do i posle 1861 g. v literature i v deistvitel'nosti” [‘Liberal paternalism’: the peasant issue before and after 1861 in literature and in reality]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*, vol. 10 (2012): 115–30. (In Russian)

Koshelev, A.I. “Zapiski” [Sketches]. In I.I. Podol'skaya, comp., *Russkie memuary. Izbrannye stranitsy (1826–1856)* [Russian memoirs. Selected pages (1826–1856)], 127–47. Moscow: Pravda, 1990. (In Russian)

Lincoln, W.B. *In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982.

Mardar'ev, M. “Pis'ma i zapiski Georga Fridrikha Parrota k imperatoram Aleksandru I i Nikolayu I” [Letters and notes of Georg Friedrich Parrot to the emperors Alexander I and Nicholas I]. *Russkaya starina*, vol. 83, no. 4 (1895): 191–219. (In Russian)

Medushevskii, A.N. “Velikaya reforma i modernizatsiya Rossii” [The Great Reform and modernization of Russia]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2011): 3–27. (In Russian)

Milyutin, D.A. *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina, 1843–1856* [Memoirs of Field Marshal Count Dmitrii Alekseevich Milyutin, 1843–1856]. Edited by L.G. Zakharova. Moscow: Rossiiskii arkhiv, 2000. (In Russian)

Mironov, B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and rule-of-law state], 2 vols. Vol. 2. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. (In Russian)

Monas, S. *The Third Section. Police and society in Russia under Nicholas I*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961.

Nol'de, B.E. *Yurii Samarin i ego vremya* [Yuri Samarin and his time]. Paris: Societe Anonyme imprimerie de Navarre, 1926. (In Russian)

“Pis'ma Petra Grigor'evicha Kakhovskogo k imperatoru Nikolayu Pavlovichu i general-ad'yutantu Levashevu” [Letters of Peter Grigorievich Kakhovskii to Emperor Nikolai I Pavlovich and Adjutant General Levashev]. In A.K. Borozdin, ed., *Iz pisem i pokazanii dekabristov: kritika sovremennogo sostoyaniya Rossii i plany budushchego ustroistva* [From letters and testimony of the Decembrists: criticism of the current state of Russia and plans for the future system], 1–32. St Petersburg: Izdatel'stvo M.P. Pirozhkova, 1906. (In Russian)

“Pis'mo Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva k imperatoru Nikolayu Pavlovichu iz Petropavlovskoi kreposti” [Letter of Alexander Alexandrovich Bestuzhev to Emperor Nikolai I Pavlovich from the Peter and Paul Fortress]. In A.K. Borozdin, ed., *Iz pisem i pokazanii dekabristov: kritika sovremennogo sostoyaniya Rossii i plany budushchego ustroistva* [From letters and testimony of the Decembrists: criticism of the current state of Russia and plans for the future system], 35–44. St Petersburg: Izdatel'stvo M.P. Pirozhkova, 1906. (In Russian)

Pivovarov, Yu.S. *Ocherki istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX – pervoi treti XX stoletiya* [Essays on the history of Russian socio-political thought in the 19th – first third of the 20th centuries]. Moscow: INION RAN, 1997. (In Russian)

Pypin, A.N. “Russkie otnosheniya Bentama” [Russian relations of Bentham]. *Vestnik Evropy*, no. 4 (1869): 730–88. (In Russian)

Richardson, C. “Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners’ role in the foundation of civil society in imperial Russia.” Pittsburgh: Center for Russian and East European studies, University of Pittsburgh, 2010.

Samarin, Yu.F. *1840–1876: Stat'i. Vospominaniya. Pis'ma* [1840–1876: Articles. Memories. Letters]. Compiled by T.A. Medovicheva. Moscow: Terra, 1997. (In Russian)

Samarin, Yu.F. “Vsepoddanneishee pis'mo k imperatoru Aleksandru Nikolaevichu” [Most humble letter to Emperor Alexander II Nikolaevich]. In Yu.F. Samarin, *Pravoslavie i narodnost'* [Orthodoxy and populism], edited by O. Platonov, 659–74. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. (In Russian)

Semenov-Tyan-Shanskii, P.P. *Epokha osvobodzheniya krest'yan v Rossii (1857–1861 gg.) v vospominaniyakh P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo* [The era of peasant emancipation in Russia (1857–1861) in the memoirs of P.P. Semenov-Tyan-Shansky]. 2 vols. Vol. 1. St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1911. (In Russian)

Shelokhaev, V.V. “Osobennosti otnoshenii vlasti i obshchestva v Rossii: istoriya i sovremennost'” [Specific features of relations between power and society in Russia: history and modernity]. In *Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Where is Russia going? Power, society, personality], edited by T.I. Zaslavskaya, 10–20. Moscow: MVShSEN, 2000. (In Russian)

Shevchenko, M.M. *Konets odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoi Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [The end of one Greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia at the point of Emancipation Reform]. Moscow: Tri kvadrata, 2003. (In Russian)

Stasov, V.V. “Tsenzura v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I” [Censorship during the reign of Emperor Nicholas I]. *Russkaya starina*, vol. 113, no. 2 (1903): 305–28. (In Russian)

Turgenev, N.I. *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow: OGI, 2001. (In Russian)

Udalov, S.V. “Problema “Rossiya i Zapad” glazami Nikolaya I (1826 – pervaya polovina 1830-kh gg.) [The ‘Russia and the West’ problem through the eyes of Nicholas I (1826 – the first half of the 1830s)]. In *Nikolaevskaya Rossiya: vlast' i obshchestvo: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 80-letiyu so dnya rozhdeniya I.V. Porokha (Saratov, 26–27 apr. 2002 g.)* [Nikolas I's Russia, power and society: materials of the round table dedicated to the 80th birthday of I.V. Porokh (Saratov, April 26–27, 2002)], edited by O.Yu. Abakumov, 288–96. Saratov: Saratovskii universitet, 2004. (In Russian)

“Vnutrennee obozrenie” [Internal review]. *Vestnik Evropy*, no. 5 (1880): 400–19. (In Russian)

Заявленный вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' Declared Contributions: All authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Информация об авторах

Анатолий Иванович Нарезный – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, ain@sfedu.ru, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (344006 Россия, Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41), Южный федеральный университет (344006 Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42)

Оксана Олеговна Завьялова – кандидат исторических наук, преподаватель, младший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>, zavyalova@sfedu.ru, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (344006 Россия,

Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41), Южный федеральный университет (344006 Россия,
Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42)

Information about the author

Anatolii I. Narezhnyi – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, ain@sfedu.ru, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (41, pr-t Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russia), Southern Federal University (105/42, ul. B. Sadovaia, Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Oksana O. Zav'yalova – Candidate of Historical Sciences, lecturer, junior researcher, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>, zavyalova@sfedu.ru, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (41, pr-t Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russia), Southern Federal University (105/42, ul. B. Sadovaia, Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021; одобрена после рецензирования 13.05.2021;
принята к публикации 02.06.2021.

The article was submitted 30.04.2021; approved after reviewing 13.05.2021; accepted for
publication 02.06.2021.